

Лев АННИНСКИЙ

г. Москва

Кто такой Михаил Шолохов?

Это, разумеется, гипотеза. Только гипотеза. Всего лишь гипотеза. Но если она верна, отпадают все неразрешимые вопросы, коими обклеена биография советского классика, написавшего лучший русский роман XX века. Каким образом двадцатитрёхлетний молодой человек оказался создателем текста, немислимого без такого жизненного опыта, какой виден в тексте? Каким образом в его распоряжении оказались стратегические, оперативные и тактические данные времён Гражданской войны, если эти данные были при советской власти засекречены, любой человек, бравший их из архива, был известен, и Шолохов среди этих читателей не значился? Каким образом в таком официозно «пролетарском» журнале, как московский «Октябрь», было опубликовано начало романа, от которого, на тогдашний нюх, за версту несло «белогвардейским духом» и который на протяжении 30-х оголтелых годов том за томом триумфально шёл в печать, прямёхонько к Сталинской премии, полученной «живым классиком» под самую Отечественную войну, хотя от тома к тому трагический «белогвардейский дух» ещё и усиливался?

Я уж не говорю о таких мелочах биографии, как женитьба этого героя на его благоверной и единственной на всю жизнь супруге, каковой законный брак не мог бы состояться по малолетству «жениха», если бы он действительно был рождён в 1905 году, как значилось во всех официальных советских справочниках.

Шолохову при жизни доводилось отвечать и не на такие каверзные вопросы. Он отшучивался в стиле патентованного казачьего балагурства, блистательно подтверждённого в образе деда Щукаря, но за шуточками этими явно прятался железный отказ входить в подробности биографии, скрытой за общеизвестным: родился в 1905 году, успел поучаствовать в Гражданской войне в отрядах частей особого назначения и т.д. по официозу (а критики наседали: малолетка-чоновец не мог написать ТАК историю казачьего восстания, а может, он вообще НЕ САМ написал, может, украл у кого-то рукопись и всобачил туда свои «щукарские» шуточки).

Насчёт того, САМ или НЕ САМ, вопрос вроде бы решился в начале 60-х годов, когда появились первые ЭВМ и в одну из них (шведскую) шолохо-

веды заложили текст «Тихого Дона» с вопросом: написано это разными авторами или одним?

ЭВМ пропесочила текст и ответила: ОДНИМ.

Разумеется, ответ был бы таким же, если один автор (или редактор) проправил бы составленный им коллаж. Но электроника явно встала на сторону Шолохова.

Противники Шолохова (например, Солженицын) стояли на своём: продолжали искать подлинного автора.

Одно время нашли. Крюков!

Да, был такой казачий бытописатель, после революции ушедший от советской власти к белым. Но достаточно прочесть даже лучшие, самые удачные страницы этого донского писателя, чтобы убедиться, что там и не ночевала та трагедия, которая сквозит в «Тихом Доне». Рука не та! Дыхание не то!

Приходится возвращаться к тому человеку, который сроду числился автором этой великой книги, прожил жизнь на том самом Дону, который значится вместе с его именем на титуле, а когда ему присудили Нобелевскую премию, то разыскан был в плавнях на рыбалке и явился в Стокгольм в специально справленном на этот случай фраке. Старик Нобель все дальнейшие дискуссии пресёк: насчёт единоличного авторства.

Остается вопрос: как же этот единоличный автор мог написать такой текст?

Или в стиле вечно обиженных интеллигентов – как это гениальную книгу написал простецкий казачина, этих самых интеллигентов неоднократно поносивший?

Кто был на самом деле этот быстрый, крепкий мужичок, погружённый в клубы табачного дыма и в завесу шутилых отговорок насчёт подробностей его биографии?

Вот тут и начинается гипотеза.

Но сначала – факты, раскопанные в конце XX века дотошными шолоховедом.

Раскопав бумаги конца века XIX, они находят на Дону, а точнее в Ясеновке, помещика Дмитрия Евграфовича Попова. У него в родовом имении обнаруживают молоденькую девушку Анастасию Даниловну Черникову, официально – горничную, фактически – наложницу хозяина. Она беременует, и, чтобы скрыть грех, Попов спешно выдаёт её замуж.

Это не гипотеза, это факты.

Не прослеживая всех суженых, которые приняли Анастасию, разрешившуюся около 1892 года первенцем Александром, фиксируем одного из них, именно – Александра Михайловича Шолохова, который в ту пору пытался открыть на Дону

собственное дело, занимался ссыпкой зерна и т.д. – он-то и берет её в жены, а её первенца – в воспитанники.

В 1905 году Анастасия Даниловна на хуторе Кружилине рождает второго сына. Его нарекают Михаилом. Михаилом Александровичем Шолоховым.

Саша Попов, меж тем, не просто видится с отцом, но подолгу живёт у него в Ясеновке (впоследствии читатели, обнаружившие в «Тихом Доне» детальное описание помещичьего имения, будут недоумевать, откуда у автора, вроде бы сроду не жившего в таких имениях, знание помещичьего быта, уж не плагиат ли это; люди же, помнящие жизнь Ясеновки, будут недоумевать, почему имение Листницких так детально напоминает имение Поповых, где маленький Миша Шолохов отнюдь не жил).

Дальнейшее: в 1914 году Александр Дмитриевич Попов, 22 лет от роду, воспитанник кадетского корпуса и военного училища, призывается на фронт и воюет.

Его сводный брат (а может, и единоутробный, ибо связь Анастасии с Дмитрием Поповым не прерывалась после их разъезда) Михаил Александрович Шолохов, десяти лет от роду, в 1915 году едет учиться в Москву.

Оба исчезают без вести. Так что далее факты уступают место гипотезам.

Александр Попов не пропал без вести. Отвоевав как царский офицер, он отчаливает под знамена Деникина и входит в руководство антибольшевистского донского восстания 1919 года в качестве связного офицера. Но это лишь одна его роль. Другая роль: по ходу революционных событий он перевербован большевиками и к деникинцам попадает уже как чекистский агент. В каком-то качестве и найден много лет спустя следопытами-архивистами в рассекреченной картотеке товарища Сталина с пометкой вождя: «Лично предан».

Михаил же Шолохов (подлинный) исчезает бесследно и навсегда.

Александр Попов после победоносного окончания Гражданской войны приезжает в Москву, где получает квартиру (между прочим, не от жилищного управления, дававшего ему справки о временной занятости, а от экономического отдела ЧК).

Вопрос, что раньше приходит ему в голову: подписывать свои первые литературные опыты фамилией брата, взятой в качестве псевдонима, или взять заодно ещё и биографию брата в качестве легенды – пусть решают психологи.

Первые рассказы в московской печати он под-

писывает псевдонимом. Далее приходит очередь и для легенды.

Легенды сочинялись в органах ЧК и других секретных служб для сотрудников, которые в послевоенное время могли опасаться за свою судьбу или репутацию. Досушие статистики заметили, что после Гражданской войны в России появилось несколько больше Кузьминых, чем следовало ожидать по средневероятностным показателям: спецслужбам не доставало фантазии. Однако в случае с Александром Поповым фантазию проявила сама реальность: ему в качестве нового имени и соответствующей легенды предложили (или он сам нашёл это решение) вариант его реального, но исчезнувшего, без вести пропавшего брата.

Для этого нужно было, во-первых, чтобы этот вариант признала его мать, одиноко жившая в станице. И, во-вторых, чтобы как можно меньше осталось людей, которые могли бы распознать подлог.

Люди – участники Донского восстания, деникинцы и прочие враги советской власти – были перебиты или законопачены в лагеря; оставшиеся вряд ли раскрыли бы рты – страха ради иудейска. Один из руководителей восстания Павел Кудинов, отсидевший в лагерях и прочитавший «Тихий Дон», что-то заподозрил и в 1956 году вознамерился встретиться с его автором, для чего отправился в Вёшки, но писатель от встречи уклонился, рванув в срочную командировку за рубеж. Кудинов вскоре покончил с собой. Вряд ли он преуспел бы в предполагаемом опознании Попова: охота ему было снова в ГУЛАГ!

Да и портретное сходство братьев было, видимо, достаточное, чтобы новые поколения донцов признали их за одно лицо.

Так или иначе, в 1926 году автор «Донских рассказов» вернулся в родные места уже как Михаил Шолохов.

Нужно было ему как автору это псевдонимирование? Как автору – совершенно нет. И теперь этот вопрос уже ничего не решает. Переменить «Шолохова» на «Попова» на обложках многомиллионных тиражей книг – полный абсурд и бессмыслица. Это всё равно что менять «Псевдодионисия», которого знают все читатели, на «Дионисия Ареопагита». Или «Платона» на «Аристокла» (кажется, так? – пока он не получил прозвища на свои широкие плечи). Чушь! Имя на обложке должно оставаться таким, каким его закрепила Богиня Литературы. А вот знать, какова действительная биография автора прославленной книги, сотворил ли «Тихий Дон» юнец, имевший за пле-

чами четырёхклассное училище и едва побывавший в отрядах ЧОНа (что ничем не подтверждено и представляется иным биографам выдумкой), либо гениальный роман написал зрелый человек, поучившийся и повоевавший, поживший и поразмысливший над своей жизнью... и не нуждавшийся для своей работы ни в «архивных материалах» (которые у него и так были), ни в чужих описаниях «дворянского имения» (в котором он сам вырос).

Литератор Попов в псевдониме, вообще-то, не нуждался. Получил его – по стечению жизненных обстоятельств. А вот чекист Попов – нуждался. И получил его – для прохождения дальнейшей службы. Не в качестве автора «Тихого Дона», а потом «Поднятой целины» – это-то как раз было громогласно легализовано. А в качестве секретного сталинского осведомителя, который отправился на Дон и поселился там вовсе не стричь купоны со своей литературной славы (абсолютно заслуженной), а участвовать в том Великом Переломе, который устроила стране партия как раз в наступивший период.

Об этой роли в 30-е годы знали в узком кругу спецслужб, догадывались в несколько более широком кругу литераторов, но предпочитали особо не распространяться. Теперь эта сторона жизни великого писателя уже достаточно хорошо освещена биографами. И это уже не гипотезы, а факты...

Покидая гипотетический ряд, я хочу сослаться на источники. Это статья Константина Смирнова в журнале Клуба главных редакторов региональных газет России «Четвёртая власть», перепечатанная с незначительными сокращениями в московской газете «Литературная Россия» от 30 марта 2001 года, а также примыкающие публикации в следующих номерах той же газеты.

...Излагаю факты, ставшие достоянием гласности в последние годы. Обосновавшись в конце 20-х годов на Дону, Шолохов откладывает литературную работу и начинает мотаться по станицам (по колхозам), наблюдая за ходом коллективизации и раскулачивания. Доклады свои он пересылает Сталину через доверенное лицо в издательстве; кроме того, у него есть номер прямого телефона к Сталину. Ему многое удаётся: он явно мешаёт рьяным проводникам линии партии в их костоломном рвении, срывает им «искоренение саботажа» и разоблачение мнимых «заговоров», те Шолохова ненавидят и, по всем правилам борьбы, стряпают на него политическое дело. Дело это ложится Сталину на стол, генсек вызывает и обвинителей, и Шолохова и устраивает оч-

ную ставку; результат: Шолохову объявлено высочайшее доверие, партверхушка Донкома летит с постов...

Вскоре выходит знаменитая, написанная по донесениям Шолохова статья Сталина «Головокружение от успехов» (статья спасла тогда многих, и, в частности, моего казачьего деда, помянутого в статье в качестве курьёза: в станице Ново-Аннинской дошли, мол, до того, что раскулачили бывшего учителя; после этого упоминания моего деда оставили наконец в покое).

Проходят 30-е, наступают 40-е.

То, что полковник Шолохов входит в числе узкого круга личных осведомителей Сталина, с какой целью и выезжает несколько раз на фронт, – известно. (Неизвестно только, каким образом он получил чин полковника: в его официальной биографии военная служба не числится; чин же в секретной службе, естественно, засекречен.)

Эта секретная сторона его жизни венчается для меня одной его фразой в прощальном слове на смерть Сталина в марте 1953 года. Тогда над гробом генералиссимуса пелись гимны в таком стиле: «гениальный вождь», «зодчий коммунизма», «корифей всех наук» и т.д. На этом официальном фоне слово Шолохова прозвучало не просто диссонансом, но едва ли не вызовом:

– Прощай, отец!

«Лично предан» – отозвалось в этом прощании.

И наконец – последнее личное впечатление, которое помогло мне поверить в гипотезу о настоящей биографии автора «Тихого Дона». Это было в 1983 году. Шолохов жил у себя в станице, и было ему – официально – 78 лет. Не так уж много для

крепыша, который всегда казался чуть не стальным. До официальных восьмидесяти оставалось два года. Вдруг объявили «промежуточный» юбилей – 50 лет литературной деятельности. Это как раз 1983 год. Шолохов появился на экранах телевидения. Речь его была кратка и выдержана в обычном балагурящем стиле: «Мы, мол, ещё немного порулим у штурвала, а там, глядишь, и молодые поспеют...» Молодые – крепкие казаки-усачи – стояли рядом и не спускали с юбиляра глаз, готовые каждое мгновение перехватить штурвал, то есть подхватить оратора, а Шолохов был какой-то прозрачный, пергаментный, и впрямь на последнем дыхании: вот-вот упадёт...

Умер он в 1984-м.

А я, вспоминая ту последнюю его телепередачу, соображаю: не 78 было ему тогда, а как раз те самые 90! Каковые он и прожил на этом свете реально: как великий писатель, о котором знали все, и как великий разведчик, о котором не знал никто.

□

Лев Александрович АННИНСКИЙ

родился в 1934 году.

*Известный литературный критик,
публицист, литературовед.*

Автор более 30 книг.

*Работал в «Литературной газете»,
в Институте конкретных социологических исследований АН СССР,
в журналах «Знамя», «Дружба народов»,
«Литературное обозрение», «Родина», «Время и мы», «Юность».*

Автор и ведущий циклов передач на телеканале «Культура».

Живёт и работает в Москве.

